

Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского

Социальные науки.

Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность

© 2008 г. А. М. Дорожкин, Н. Е. Григорьева

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

fmo@nnov.ru

Поступила в редакцию

Аннотация статьи

Статья посвящена анализу ключевых идей социальной рискологии. Рассматриваются генезис и эволюция категории «риск», а также взаимосвязь риск-неопределенность-рациональность. Дается представление о методологических основаниях данной категории в рамках социально-философского дискурса.

Текст статьи

Внимание ученых к проблеме вероятности наступления возможного события негативного или позитивного содержания имеет длительную историю. Если обратиться только к истории европейского мышления, то уже в трудах античных мыслителей, начиная с Гесиода, проявляется желание сформулировать идеи закономерности, случайности и неопределенности. Однако, эти идеи увязывались с идеей циклического развития космоса, общества, человека и культуры. Поэтому в мифологическом сознании причинно следственные связи между индивидуальными действиями субъектов и их последствиями либо не были сформулированы, либо полагались неизвестными. Основную роль в процессах конструирования риска при этом должны играть не сами действия, а «правила запрета».

Немного позднее, в период эллинизма, это представление было дополнено идеями объективной случайности и неопределенности как характеристики знания. Все это и обусловило формирование общих представлений о судьбе, опасности и риске. Из таких представлений именно представление о риске подверглось в дальнейшем научно-рациональной обработке. Это представление формировалось путем выявления и анализа понятий, базовых для понятия «риск». Таким понятиями явились прежде всего понятия «рациональность» и «неопределенность».

Правда, для того, чтобы научно-рациональное представление о риске возникло, необходимо было сформировать собственно представление о рациональности. С точки зрения представления исторических типов рациональности, конечно, приоритетной, исторически проявившейся, является классическая рационалистическая традиция, идущая от Платона и Аристотеля, проходящая через эпоху Просвещения и Новое время, и далее к И.Канту и Р.Декарту, сформировавшим представление о гносеологической рациональности, Г.В.Ф. Гегелю, который предложил считать рациональность онтологической характеристикой реальности, и др. [2] Рациональность в рамках этой традиции понимается как нечто связанное с разумом, с его тождественностью самому себе, с тем, что эта тождественность остается устойчивой безотносительно к той исторической эпохе, в границах которой происходит рассмотрение рациональности.

Рационалистическая тенденция в рамках анализа ситуации, которая может быть охарактеризована как «ситуация неразумности разума» [3], подразумевала разумность космоса в целом, разумность человека, законов исторического развития. Подобные альтернативные представления о рациональности сводили ее к целесообразности мироустройства. Традиция развития классического рационализма показала, что

классическая рациональность имела серьезные проблемы в рамках попыток объяснения мироустройства с такими фундаментальными понятиями, как идеи времени и движения. Последние и сыграли фактически решающую роль в конце XIX в. при выявлении определенной ограниченности классической рациональности.

Что же касается формирования не философского, а научного представления о взаимосвязи риска, неопределенности и рациональности, то одним из первоначальных научных подходов к проблематике рисков и возможностей стала классическая математическая теория вероятности. Затем были разработаны ее модификации на статистическом материале, взятом из разных областей природной и общественной жизни. Постепенно ученых стала привлекать идея установления конкретного уровня вероятности наступления того или иного, особенно неблагоприятного события для индивида, социальных групп данного общества. Это касается также исследований катастроф и опасностей для функционирования обществ и цивилизаций: они периодически вступают в полосу кризиса – какие-то при этом получают новый импульс развития, а некоторые погибают вовсе. Причинами тому могут быть как планетарные и техногенные катастрофы, так и экономические, политические и социокультурные коллизии [4].

Если говорить о современном состоянии проблемы риска в отечественных работах, то здесь отмечается что нынешние реформы российского общества в значительной степени базировались на постулатах западного неоллиберализма, которые имеют апробированную, достаточно эффективную модель управления социальными рисками. Последняя, однако, трудно сочетается со сложившейся в России культурой социального управления, а также с иной ментальностью россиян. Кроме того, глобальные проблемы современности не могли не затронуть Россию. Их последствия проявляются в росте постоянного производства самых различных рисков: локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм оборачиваются рисками для каждого жителя планеты. При этом неизбежно возникают все новые и новые социальные группы риска, образуемые людьми, пережившими те или иные катастрофические, военные, культурные и социальные травмы.

Учитывая социокультурную природу риска, можно сделать вывод о том, что специфика социального риска в какой-либо исторический период обусловлена конкретной социокультурной средой и, будучи атрибутом общества, социальные риски подвержены определенной социальной и культурной динамике, задаваемой характером развития общества и цивилизации [1].

Широкую известность получили представления о риске на социально-философском уровне, в частности, в рамках концепции «общества риска», разрабатываемой прежде

всего У. Беком и Э. Гидденсом.

Рассуждения У. Бека базируются на теории модернизации. Он подчеркивает практическую незащитность человечества перед техногенными угрозами, создаваемыми «вторичной природой», детищем индустриального общества, трактует переход к эпохе риска как объективную историческую закономерность, как результат действия механизмов модернизации. Этот переход осуществляется через первоначальное возникновение риска как «латентного побочного эффекта» к пониманию того, что риск составляет сущность современного общества [5].

Общество «втягивается» в «общество риска» главным образом потому, что не рефлексировало ситуацию должным образом и вследствие этого производит все большее количество рисков. Нерелексирующее общество на первое место по значимости продолжает ставить производство благ, а не минимизацию генерируемых в результате этого производства рисков и опасностей [6]. У. Бек считает, что и саморефлексии недостаточно, чтобы и в «обществе риска» могли существовать эффективный социальный контроль и управление: необходим переход к самокритичному обществу, стремящемуся к самотрансформации. Исследователь подчеркивает, что политический потенциал общества риска должен быть проанализирован социологической теорией в терминах производства и распространения знаний о рисках, поскольку социально осознанный риск политически взрывоопасен, т. е. то, что до сих пор рассматривалось как неполитическое, становится политическим.

Э. Гидденс, напротив, отмежевывается от теории модернизации и постмодернизма, считая риск одной из четырех атрибутивных черт «высокой современности» (или «поздней современности») [7]. При этом атрибутивность риска в условиях «высокой современности» определяется принципиальной неуправляемостью целого ряда ситуаций и процессов, угрожающих не отдельным индивидам и небольшим сообществам, а человечеству в целом. Атрибутами современной социальной действительности он считает универсализм, глобализацию, институционализацию риска, а также усиление риска в результате непреднамеренного побочного действия некоторых факторов, тех или иных человеческих действий.

Э. Гидденс выражает большую надежду на минимизацию риска и предлагает свое видение перспектив риска. Его обсуждение риска изложено в рамках гипотезы относительно общих перспектив безопасности жизни. Ученый полагает, что будущее отнюдь не обязательно детерминировано какими-либо однозначными тенденциями, которые были бы связаны с катастрофами: «Мир не рассматривается как смена событий в

определенном направлении..., но как образование, обладающее собственной формой» [8].

«Общество риска» — это фактически новая парадигма общественного развития. Ее суть состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключающаяся в накоплении и распределении богатства, все более перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространения рисков. В конечном счете расширяющееся производство рисков подрывает сам принцип рыночного хозяйства и частной собственности, поскольку систематически обесценивается и экспроприируется (превращается в отходы, загрязняется, омертвляется и т. д.) произведенное общественное богатство. Расширяющееся производство рисков угрожает также фундаментальным основам рационального поведения общества и индивида — науке и демократии [9].

В течение столетия социология проделала путь от изучения множества отдельных рисков и рискогенных ситуаций к пониманию того, что само общество является генератором рисков. К середине 1980-х годов изучение рисков становилось все более запутанным и хаотичным: риск-анализу явно недоставало центрального фокуса. Через разнообразие методов и подходов к анализу рисков красной нитью проходила заинтересованность социологов рискогенностью различных составляющих социальной ткани — от межличностных процессов и сетей до социальных институтов и структур, от первичных групп и символических интеракций до социальных движений и крупномасштабных организаций и систем.

Одной из важнейших составляющих социальной жизни является взаимодействие общества и власти. Немецкий социолог-теоретик Н. Луман, внесший значительный вклад в разработку функционального анализа в социологии, а также в социологию риска, рассматривает такой феномен современного общества как риски власти, отмечая, что власть сегодня опирается на владение прежде всего достоверной и всесторонней информацией. Однако и в этом случае имеет место относительность достоверности информации, т. к. само наличие дифференцированных средств коммуникации не позволяет «репрезентировать общую реальность» [10]. Более того, всегда осуществляется селекция процессов, которые становятся объектами информации, результатом чего является утверждение в современных обществах селективного сознания. Результатом становится наложение ошибок управления и контроля, усиливающее риски.

По утверждению Н. Лумана, «современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального» [11]. Принимаемые решения всегда связаны с рисковыми последствиями, по поводу которых принимаются дальнейшие

решения, также порождающие риски. Возникает серия разветвленных решений, или «дерево решений», накапливающее риски. Исследователь подчеркивает, что в современном обществе нет поведения, свободного от риска. Для дихотомии риск/безопасность, это означает, что нет абсолютной надежности или безопасности, тогда как из дихотомии риск/опасность вытекает, что нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения. Н. Луман придерживается точки зрения, что «современное риск-ориентированное общество — это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания» [11]. Таким образом, чем более рациональными и детальными становятся наши вычисления в отношении риска, тем больше аспектов, включающих неопределенность по поводу будущего и, следовательно, риска, попадает в поле нашего зрения.

Теории У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана имеют значение в создании, по существу, принципиально новых методологических подходов для исследования риска, вносят существенные изменения, как в функционирование структур, так и в деятельность людей, которые обретают все большие возможности для воздействия на свою жизнь, ее содержание.

В целом анализ различных пониманий риска подводит нас к необходимости учитывать активность субъекта в условиях неопределенности. Под субъектами риска мы будем понимать всех акторов социальной жизни. Таковыми могут быть индивиды, малые и большие группы, организации и социальные институты, общество в целом. Активность субъекта риска целесообразно выражать через категорию «поведение». Иными словами, в одних и тех же условиях (ситуациях) субъекты могут выбирать различные линии поведения, а значит и по-разному рисковать.

Невозможность точно оценить ситуацию и последствия поведения связана с наличием неопределенности, которая не всегда обусловлена лишь состоянием социальной среды, спонтанностью природных процессов, ограниченностью ресурсов при принятии и реализации решений. Многие авторы разграничивают понятия риска и неопределенности. Они считают, что риск имеет место только тогда, когда известно распределение вероятностей наступления событий. Если же оно неизвестно, то налицо ситуация неопределенности. Другие полагают, что риск не существует без неопределенности.

Чем же принятие решения в условиях неопределенности отличается от рискованного решения в смысле рациональности? И в том, и в другом случае возможна одинаковая ошибка. Субъект вынужден оценивать ситуацию и делать выбор, опираясь на

собственный опыт и интуицию, а значит – рисковать. При этом не важно, на каком основании осуществляется выбор вектора поведения. Основания для оценки ситуации могут быть совершенно различными. Мы можем классифицировать их, например, в согласии с веберовскими идеальными типами социального действия на целерациональные (максимизация успеха, выгоды), ценностнорациональные (ориентация на социальные нормы) и аффективные (ориентация на достижение ситуативных потребностей). Кроме того, одна и та же ситуация различными субъектами может интерпретироваться по-разному, а следовательно, предполагать различные решения.

Таким образом, ситуация риска не является частным случаем ситуации неопределенности. Неопределенность выступает конституирующим признаком, т. е. средой появления риска, поэтому возрастание неопределенности может повлечь за собой еще больший риск. Величину риска можно рассматривать в системе трех координат: риск увеличивается с уменьшением вероятности достижения цели и с одновременным увеличением неопределенности (количества альтернатив) и цены ошибки. С нашей точки зрения, риск представляет собой социальное поведение субъекта, осуществляемое в условиях неопределенности его исходов [12].

Неопределенность порождается растущей проницаемостью современных обществ. Эпоха территориальных границ и иных размежеваний сменилась эпохой сетей и потоков (ресурсных, информационных и иных). Социальные, ресурсные и иные сети обладают выраженным ядром и чрезвычайно размытой периферией. Социальные события, особенно катастрофы, имеют фиксированную дату начала, но цепь их последствий теряется во времени.

Исследуя проблему риска и неопределенности, Ч. Перроу ввел понятие «нормальный несчастный случай». Самые совершенные социотехнические системы время от времени отказывают, и приходится высчитывать вероятность наступления критических ситуаций (аварий) [9]. Такой анализ следует начинать с социального и культурного контекстов опасностей и сопутствующих рисков, включая определение того, что подвержено риску, а это не может быть четко очерчено во времени и пространстве. Более того, люди конструируют сложнейшие технические системы, но не знают, как при необходимости от них избавиться. Глобализация социотехнических систем повышает вероятность сбоев и катастроф во много раз.

Итак, социальная практика и ее социально-философская рефлексия убеждают, что единственной «правильной» теории нет и быть не может, каждая вносит свой вклад в углубление понимания того или иного явления, процесса [5]. Научно-исследовательский анализ фиксирует наличие проблемной области, основным интересом которой являются

эмпирические или четко ориентированные на практику управления исследования риска. За этой областью закрепилось название «рискология», в рамках которой успешно развиваются самые разнообразные исследовательские направления: анализ риска и безопасности, математические подходы к оценке различных типов риска, управление риском и рисковая коммуникация, социальные и психологические аспекты риска.

Исследуя специфику процесса формирования классического концепт-риска на стадии перехода к обществам современного типа, рассматривая понятия риска в трудах Т. Гоббса, Д. Юма, П. Кардано, Б. Паскаля, П. Ферма, М. Кондорсе, П. Лапласа, Дж. Милля, Дж. Кейнса, Ф. Эвальда, Ф. Найта и других авторов, можно заключить, что классическая теория риска является ценностно-теоретической рефлексией рисков закрытой социальной системы, для которой в целом характерна линейная динамика, проявлявшаяся в том, что результат социального и культурного развития был практически пропорционален взаимодействию социальных акторов, что позволяло прогнозировать будущее, опираясь и на точные формализованные методы [1]. Социальность в этих обществах конституируется целерациональной деятельностью, средствами легитимации социальности при этом выступают логически упорядоченные дискурсы научного знания. Это выражается в росте потенциала принятия решений, примате будущего по отношению к прошлому, формировании новой социокультурной матрицы, исторического сознания и нециклических моделей социального времени (М. Вебер, Ю.Н. Давыдов, В.Г. Федотова, Ю. Марковиц, Н. Луман, А. Нассеи). Причем изменяется не только содержание риска, но и теоретические горизонты его концептуализации.

В конце XX века человечество оказалось перед лицом фундаментальных проблем – экологической, демографической, идеологической, информационной, – что свидетельствует, прежде всего, о кризисе ценностно-мировоззренческих оснований общества, обусловившем необходимость выхода на новые горизонты интерпретаций и управления риском. Классический мир гуманитарной науки сменяется неклассическим миром плюрализма и всеобщей изменчивости. Происходят существенные изменения в объекте гуманитарного познания. Все большую роль начинают играть процессы саморегуляции и самоорганизации, прямые и обратные связи объекта с социально-культурным окружением, и потому риск уже не поддается однозначному моделированию и прогнозированию. Благодаря движению к открытости общества становятся иными социальные риски и опасности неустойчивости социума. Проявление рискогенных процессов имеет под собой определенную цивилизационно-технологическую основу, которая начинает рассматриваться в социологических теориях «цивилизации риска», а

затем «общества риска» [1].

Всесторонний анализ сущностных определений риска наиболее успешно может быть осуществлен на основе реконструкции концепт-рисков в теориях классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Концепции риска демонстрируют сущностные смыслы социального бытия общества на различных стадиях социальной эволюции: традиционное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество.

В современной социальной теории рисков дальнейшей разработки требуют вопросы, направленные на анализ стратегий управления риском в цивилизационном пространстве. Для более адекватного понимания методологического, аналитического и мировоззренческого значения категории «риск» требуется синтез имеющихся достижений для раскрытия всей полноты этого многоаспектного явления.

Наконец, отметим, что, с нашей точки зрения, дальнейшее развитие теории рисков в социальном пространстве будет идти не только, а скорее не столько, по пути социологического анализа, сколько по пути философского осмысления сути и условий решений, называемых рискованными. Дело в том, что социологический анализ по таким ситуациям уже достаточен и качественно нового, так сказать, прорывного решения проблем риска не даст. Между тем, философское осмысление имеющихся ныне идей в данной области еще далеко не завершено. Взять хотя бы проблему объективных и субъективных условий возникновения случайности. Случайность определенных событий, как известно, является одним из важнейших условий появления рисков. Однако, определение того или иного события как случайного имеет как объективные так и субъективные корни. В последнем случае, событие, определяемое как случайное одним человеком, не является таковым для другого. Соответственно, один человек свое поведение как реакцию на данное событие будет считать риском а другой - нет. Это, разумеется, самый простой случай. Ситуация намного усложняется, если субъективные и объективные причины событий, характеризующихся как случайные, переплетены. В этом случае и риск будет иметь довольно сложный характер. Оцениваться он в таком случае может только по шкале предпочтений, если даже совершенно четко могут быть выявлены доли объективности и субъективности случая, обуславливающего риск. Ситуация еще более усложнится если вместо объективных характеристик случайности мы выберем интересующие субъективные.

Еще одной несомненной трудностью решения проблемы анализа рисков является сегодняшнее понимание ситуации неопределенности. С нашей точки зрения, философское осмысление таких ситуаций совершенно недостаточно. Довольно длительное время ситуация неопределенности и соответствующее ей понятия имели в философии ярко выраженный субъективный акцент. Потом в связи с использованием этого понятия как характеристики физических параметров реальности, крен был сделан в сторону объективного смысла неопределенности. Благодаря развитию кибернетики во второй половине XX века это понятие пытались использовать и для описания социальной реальности, однако значительных успехов при этом достигнуто не было. Прежде всего такое положение можно объяснить тем, что философского осмысления мы так и не имеем. Аспекты субъективности и объективности неопределенности мы так и не выяснили. Между тем, риск, как известно, обусловлен как раз неопределенностью как начальных условий деятельности так и алгоритма самой деятельности. Вполне возможно, что видов

неопределенности, создающих риск значительно больше, однако никаких полноценных исследований по этому поводу еще не проводилось.

Список литературы:

1. Иванов А. В. Социосинергетическая динамика общества риска: методологический аспект. Автореферат на соискание ученой степени к. филос.н. Саратов, 2007. С. 3-12.
2. Дорожкин А. М. Коммуникативная рациональность: ее основные особенности и перспективы развития// Коммуникативистика: человек в современном информационном обществе. Н. Новгород, 2007.
3. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. 523 с.
4. Кравченко С. А., Красилов С. А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004. – С. 5.
5. Мозговая А. В. Риск как социологическая категория// Социология: 4М. 2006. №22. С. 5-18.
6. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 131.
8. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity, 1991. – P. 109.
9. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи// Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3-35.
10. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 126.
11. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. P. 18-28.
12. Зубков В. И. Риск как предмет социологического анализа/ Теория и методология. М., 1999. №4. С.3-9.

© 2007 Alexander M. Dorozhkin, Natalia E. Grigoryeva

Nizhniy Novgorod State University by name N.I. Lobachevsky (NNSU)

Annotation

This article is devoted to the most important ideas of the social risk-science. The authors examine genesis and evolution of the risk-category as well as interrelation risk-uncertainty-expediency, give an insight of methodological grounds of the present category in the socio-philosophic context.

Сведения об авторах статьи

Дорожкин Александр Михайлович, д.филол.н., профессор, зав. кафедрой истории, методологии и философии науки факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Григорьева Наталья Евгеньевна, аспирант факультета международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

603005 г. Н. Новгород, ул. Ульянова, 2

тел.: (8-312) 39-01-88

E-mail: fmo@nnov.ru